

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ И ВАРИАНТНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

SYNONYMY AND VARIANCE IN GRAMMAR AS MAIN FACTORS OF LANGUAGE DEVELOPMENT

ЛЯЙСЭН АБДУЛХАКОВА

ABSTRACT. Problem of synonymy and variance is one of the important questions discussed by linguists. It is necessary to make difference between synonyms and variances especially in grammar. Both of these phenomena play significant role in language development. Transformations in both cases are the same: reduction of the number of parallel forms or keeping them all as a result of formation of differences between them. The history of Russian language shows various examples of changes caused by the same relations in the different levels of the language.

Ляйсэн Абдулхакова, Казанский государственный университет, Казань – Россия.

Синонимия, которая находит отражение на разных уровнях языковой системы, неоднократно привлекала внимание лингвистов. Во второй половине XX столетия вышел в свет целый ряд сборников, посвященных этому явлению¹, были созданы словари синонимов русского языка², состоялись конференции по вопросам синонимических отношений. При этом наиболее подробно исследовались синонимические отношения в области лексики. Словообразовательная синонимия рассматривалась как синонимия словообразовательных морфем в рамках синонимии грамматической. Гораздо меньше внимания в русистике уделялось явлениям, относящимся к собственно грам-

¹ *Очерки по синонимике современного русского литературного языка*, Москва–Ленинград 1966; *Лексическая синонимия*, Москва 1967; *Синонимы русского языка и их особенности*, Ленинград 1972; *Семантическое и формальное варьирование*, Москва 1979 и др.

² З.Е. Александрова, *Словарь синонимов русского языка*, Москва 1968; *Словарь синонимов русского языка: в 2-х томах*, под ред. А.П. Евгеньевой, Ленинград 1970–1971.

матической синонимии. Разработка этой проблематики в большинстве случаев проводилась на материале иностранных языков – немецкого, английского и др. (см. работы Е.И. Шендельс, В.Н. Ярцевой, О.И. Москальской и др.).

За прошедшие десятилетия значительно продвинулись исследования в области словообразовательной синонимии. На смену представлениям о случаях типа *лиса–лисица* как вариантных образования пришло четко сформулированное определение словообразовательной синонимии как синонимии словообразовательных типов, для которых характерны общность производящей основы, единство словообразовательного значения и разные словообразовательные аффиксы.

Вопросы синонимии связаны с целым рядом проблем, среди которых пути формирования и развития синонимических отношений на разных языковых уровнях, синонимия в синхронии и диахронии, противопоставление синонимии и вариантности и их взаимоотношения и др. Хотелось бы остановиться на некоторых из них.

Одной из проблем, вызывающей терминологическую неоднозначность и неопределенность, является необходимость разграничения синонимов и вариантов. Для общего их обозначения иногда употребляется и такое выражение, как „параллельные образования”.

В.Н. Ярцева указывает на то, что свойством языка является наличие параллельных вариантов на разных уровнях его структуры, обращая внимание на трудность отграничения варьирования от сопредельных явлений. Сам автор рассматривает варьирование в аспекте формы, а синонимию относит к содержательной, функциональной стороне: „На уровне морфологии формальное варьирование имеет место в тех случаях, когда при сохранении одного значения две различные формы могут чередоваться в одной и той же позиции”³.

Для О.И. Москальской понятие *вариативности* неразрывно связано с понятием *литературной нормы* и определяется как „сосуществование в литературной норме в рамках одной эпохи и одного стиля равнозначных параллельных форм, находящихся в отношении свободного варьирования и не несущих по сравнению друг с другом дополнительной информации”⁴. Исследователь расценивает варьирование и синонимию как различные и непересекающиеся явления, указывая при этом, что вариантность в наибольшей степени свойственна формальной стороне языка.

Эта позиция близка к мнению Н.Н. Семенюк, которая также рассматривает категорию *вариантности* в связи с понятием *нормы* и определяет ее как „существование в определенном языке одной и той же лексемы, словоформы

³ В.Н. Я р ц е в а, *Проблема вариативности на морфологическом уровне языка*, [в:] *Семантическое и формальное варьирование*, Москва 1979, с.10.

⁴ О.И. М о с к а л ь с к а я, *Вариантность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка*, [в:] *Норма и социальная дифференциация языка*, Москва 1969, с. 58.

или одной и той же синтаксической конструкции по крайней мере в двух различных формальных модификациях, не связанных с изменением основного лингвистического значения данной конкретной единицы”⁵.

На лексическом уровне различие между синонимами и вариантами проводится, казалось бы, достаточно определенно: „Сущность вариантов слов заключается в видоизменении внешней стороны слова – фонетической или грамматической, не затрагивающей его внутренней стороны, лексической, значения слова”⁶. Аналогичной позиции придерживается и Е.А. Иванникова: „Область лексической вариантности – это область материальной, звуковой формы слова как единицы языка, структуры, эту единицу организующей, сфера же синонимии – это область семантических взаимоотношений языка”⁷.

Приведенные высказывания отражают наиболее типичные подходы к рассматриваемой проблеме: выражение „вариант” чаще применяется для характеристики фонетических и грамматических видоизменений в слове при сохранении его лексического значения. Кроме того, для вариантов практически все исследователи указывают на возможность наличия лишь стилистических различий, а также различий по частотности использования или сфере употребления. Однако если для синхронного среза такая оценка может соответствовать действительности, то в плане диахронии ситуация оказывается не столь однозначной.

Между лексическими и грамматическими синонимами и вариантами существуют значительные отличия, на которые также указывают исследователи. Некоторые авторы рассматривают в качестве грамматических вариантов равнозначные тождественные формы, а как грамматические синонимы – формы не тождественные, но близкие по грамматическому значению.

Л.К. Граудина считает термин *грамматический синоним* многозначным и прибегает в своей монографии, посвященной описанию норм современного русского литературного языка, к выражению *грамматический вариант*, не дифференцируя, таким образом, разные случаи эквивалентного выражения одного грамматического значения: „Грамматические варианты характеризуются прежде всего тождеством грамматической функции. Функциональное тождество, родившееся вследствие ассоциативной близости грамматических значений, приводит к нейтрализации грамматических различий, т.е. к внешнему тождеству грамматического значения”⁸. Между тем, автор указывает на

⁵ Н.Н. Семенов, *Некоторые вопросы изучения вариантности*, „Вопросы языкознания” 1965, № 1, с. 49.

⁶ Р.П. Рогожникова, *Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов*, [в:] *Лексическая синонимия*, Москва 1967, с. 152–153.

⁷ Е.А. Иванникова, *К вопросу о взаимоотношении понятия варианта с понятием синонима*, [в:] *Синонимы русского языка и их особенности*, Ленинград 1972, с. 142.

⁸ Л.К. Граудина, *Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты*, Москва 1980, с. 102.

то, что грамматические варианты представляют собой частный случай более широкой категории параллельных средств речи, которые, в свою очередь, понимаются как „некая общая совокупность в языке, в которую входят и грамматические варианты, имеющие как общие, так и отличительные признаки с другими параллельными единицами”⁹. Как видим, здесь не названы ни общие, ни отличительные признаки вариантов и иных „параллельных” средств.

Изложенная позиция, которой придерживается большинство авторов, приводит к тому, что происходит нейтрализация различий между образованиями, разными с точки зрения происхождения, так что в одной плоскости рассматриваются формы типа *чая – чаю, шума – шуму, тракторы – трактора* и под., с одной стороны, и *счастье – счастье, жизнь – жизнью, порою – порой* и под. – с другой. Таким образом, осуществляется разрыв между синхронией и диахронией, что, на наш взгляд, представляется совершенно недопустимым, принимая во внимание то, что, по очень точному замечанию И.А. Бодуэна де Куртенэ, „статика языка есть только частный случай его динамики”¹⁰. Между тем подобного смешения разнотипных образований позволяет избежать предложенный В.М. Марковым подход к их дифференциации, основанный на учете генезиса разных форм. По мнению ученого, термин *вариант* „вполне применим в отношении тех различий, которые, при наличии семантического тождества, находятся вне закономерных морфологических тенденций, вне системы словообразовательных форм. Прежде всего, это касается фонетического облика слов. Различия в данном случае могут быть обусловлены либо собственно фонетическими причинами (*хитр – хитер, сердечный – сердешный, афера – афёра* и под.), либо ранними структурными изменениями, утратившими свой морфологический смысл (*поднимать – подымать* и под.)”¹¹. В случае вариантов грамматической формы, выражающей определенное грамматическое значение, речь должна идти о „различиях фонетических, с этим значением не связанных”¹².

Таким образом, и в области лексики, и в грамматике проблема варианта и синонима может быть успешно разрешена при последовательном разграничении явлений, обусловленных фонетически, и случаев, которые возникли вследствие действия различных морфологических и словообразовательных процессов. Грамматическими синонимами при этом следует считать формы, возникающие в результате взаимодействия разных грамматических парадигм как именных, так и глагольных. При такой постановке вопроса формы типа *порою – порой, живучи – живуци* и под. будут относиться к вариантам, а фор-

⁹ Там же.

¹⁰ И.А. Б о д у э н д е К у р т е н э, *Некоторые из общих положений*, [в:] его же, *Избранные труды по общему языкознанию*, т. 1, Москва 1963, с. 349.

¹¹ В.М. М а р к о в, *О слово- и формообразовательной синонимии в русском языке*, [в:] *Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект*, Казань 2004, с. 156–157.

¹² Там же, с. 157.

мы типа *тракторы – трактора, живучи – живя – живши* и под. – к грамматическим синонимам.

В истории русского языка варианты и синонимы часто переживали сходные судьбы: и вариантные, и синонимические отношения в результате действия тенденции к преодолению избыточности средств выражения того или иного значения (лексического, словообразовательного, грамматического) могли развиваться разными путями, описанными в литературе. Известны два направления в развитии этих отношений. Первое связано с сокращением ряда параллельных образований – вариантов или синонимов – в результате утраты одного из его элементов. Второе способствует сохранению всех компонентов благодаря их расхождению, которое может иметь характер стилистической или семантической дифференциации.

Классическим примером развития взаимоотношений между вариантами на лексическом уровне является судьба полногласной и неполногласной лексики в истории русского языка. Здесь можно наблюдать сокращение числа вариантов, происходившее за счет утраты как полногласных (в случаях с парами *время – вермя, пламя – поломя, шлем – шелом* и др.), так и неполногласных (в случаях типа *вработ – воробей, млеко – молоко, древо – дерево* и др.) образований. Следует, однако, отметить, что сами корневые морфемы в той или иной огласовке могли в дальнейшем активно участвовать в словообразовательных процессах (напр., *ошеломить, Млечный путь, древесная стружка* и др.). Происходила и дифференциация вариантов, приводившая к стилистическому (напр., *злато – золото, брег – берег* и др.) или семантическому (напр., *преградить – перегородить, страна – сторона, влечь – волочь* и др.) противопоставлению образований. Во втором случае разграничение фонетических вариантов приводило к появлению самостоятельных лексем.

Поскольку синонимические отношения в лексике и словообразовании рассматриваются в научной литературе достаточно подробно и значительно чаще, чем грамматическая синонимия и вариативность, остановимся подробнее на отношениях, касающихся судьбы вариантных и синонимичных морфем, а также грамматических категорий и форм и словообразовательных типов, в формировании которых они принимали участие.

Стремление фонетических вариантов к размежеванию наблюдается не только в отношении лексических единиц, аналогичные отношения отмечены и в сфере аффиксальных морфем. Так, В.М. Марковым выявлена тенденция к формированию самостоятельных морфем на основе противопоставления фонетических вариантов, убедительно продемонстрированная на примерах из истории приставки *об-* и суффикса *-ну*¹³.

¹³ В.М. Марков, *Проблема формирования самостоятельных морфем на основе противопоставления фонетических вариантов*, [в:] его же, *Избранные работы по русскому языку*, Казань 2001, с. 72–84.

Генетически не имевшая в своем составе редуцированного приставка *об-* в истории русского языка выступала в двух вариантах – *об-* и *о-*, функционирование которых сначала было фонетически обусловлено. Однако в дальнейшем они приняли участие в формировании разных словообразовательных типов, что способствовало их превращению в самостоятельные морфемы. Так, приставка *об-* представлена в отглагольных образованиях со значениями: ‘действие, совершаемое по окружности’ (*обходить, облететь, обнести*), ‘действии, направленное в ущерб тому, для кого оно производится’ (*обвесить, обмерить, обсчитать*) и некоторых других. Что касается варианта *о-*, то он выступает в составе конфикса *о-...-ить* в словообразовательном типе со значением ‘сделать что-либо каким-то’ (*озеленить, омолодить, оживить*).

История безъерового суффикса *-ну-* была связана с развитием в его составе вставочного гласного, в результате чего появились фонетические варианты *-ну-* и *-ону-*. На базе последнего развился суффикс *-ану-*, представленный в субъективно-оценочных образованиях в сфере глаголов, таких как *стукануть, черкануть, сказануть* и др.

Стремление фонетических вариантов морфем к разного рода дифференциации, которая способствовала бы их сохранению, наблюдается в истории русского языка достаточно часто, хотя не всегда приводит к одинаковым результатам, в частности, к формированию самостоятельных морфем. Например, в именах на *-ие/-ье*, объединяющих образования с разными суффиксами (*-ение, -ние, -тие* и др.), это разграничение в большинстве случаев имело стилистический характер (*счастье – счастье, движение – движенье*). Кроме того, в ряде случаев слова на *-ие* и *-ье* различаются по значению: *печенье* ‘действие’ – *печенье* ‘результат действия, продукт’, *варение* ‘действие’ – *варенье* ‘результат действия, продукт’, что наглядно демонстрирует тенденцию к самостоятельности названных вариантов, оформляющих разные словообразовательные типы.

Фонетические варианты падежных флексий также могли участвовать как в стилистической, так и в семантической дифференциации. Примером могут служить формы творительного падежа единственного числа существительных женского рода с окончаниями *-ию/-ью*, широко представленные в истории русского языка во многих разнохарактерных памятниках. В текстах *Домостроя* (XVI в.), *Жития протопопа Аввакума* (XVII в.), *Всеобщей истории о мореходстве* (начало XIX в.) прослеживается довольно отчетливое противопоставление этих окончаний: формы на *-ию* чаще выступают у отвлеченных существительных (*любвию, жизнию, совестью, мыслию, благодатию* и др.), тогда как *-ью* встречается, как правило, у конкретных или вещественных имен (*плетью, ночью, дочерью, надписью, грязью* и др.)¹⁴.

¹⁴ В.М. Марков, *Очерки по истории русского литературного языка первой четверти XIX века*, [в:] его же, *Избранные работы...*, указ. соч., с. 184–253.

Исследуя историю собирательных существительных, И.Э. Еселевич выявила и показала на большом фактическом материале значительную роль синонимических отношений, существовавших в древнерусском языке между формами единственного и множественного чисел, в становлении позднейших парадигм собирательных имен. Смысловое сближение этих форм, основанное на общем для них значении множества, приводило к распаду синонимического ряда, как например, в случае *обувь* – *обуви*, когда закрепилась форма единственного числа, или *доспех* – *доспехи* – с сохранением парадигмы множественного числа¹⁵.

В истории русского языка наблюдаются сложные взаимоотношения грамматических вариантов и грамматических синонимов и их участие в формировании новых грамматических категорий и словообразовательных моделей. Ярчайшим примером, отражающим стремление параллельных форм разного типа к самостоятельности, может служить судьба старого причастия, давшего начало современному причастию и деепричастию.

Как известно, в образовании праславянского действительного причастия настоящего времени участвовал суффикс *-*nt-*, осложненный в отдельных формах именным показателем *-*j-*, что привело к расхождению фонетического облика этих форм в старославянском и древнерусском языках. Причастный суффикс современного русского языка в своем нынешнем облике (*-ущ-*, *-ащ-*) генетически связан со старославянским рефлексом. Что касается русской огласовки (*-уч-*, *-ач-*), то на начальном этапе становления русского деепричастия она была представлена в синкретичных формах, которые совмещали в себе как признаки причастия, так и деепричастия, см., например, в *Лаврентьевской летописи* (XIV в.): *и мы седимъ. **платяче** дань родомъ и(х)* (л. 7 об.); *вся бра(т)я имяху о томъ печаль велику. **посылаючи** по нь призываху брата к монастырю* (л. 63 об.); *и ступиша Половци **воюючи*** (л. 72 об.).

Кроме того, еще одним направлением автономного развития этих образований стало их функционирование в качестве имени прилагательного, ср.: *висящий – висячий, горящий – горячий, могущий – могучий* и др. Со временем основной моделью, по которой создаются отглагольные прилагательные, становятся образования с суффиксом *-уч-*, не зависящим от типа спряжения производящего глагола: *плакучая ива, скрипучая телега, горячие слезы, кипучая деятельность* и др. Что касается деепричастных форм на *-учи/-ачи*, то они приняли участие в семантическом словообразовании, превратившись в истории русского языка в наречия, ср.: *работать умеючи, жить припеваючи* и др.

Таким образом, история рассмотренных фонетических вариантов была связана с развитием на их основе самостоятельных суффиксов, со становлением грамматических категорий причастия и деепричастия, а также с форми-

¹⁵ И.Э. Е с е л е в и ч, *Из наблюдений над формами собирательных существительных в истории русского языка*, [в:] *Именное словообразование русского языка*, Казань 1976, с. 69–80.

рованием новых словообразовательных моделей в сфере имени прилагательного и наречия.

Вместе с тем в эволюции русского деепричастия очень ярко проявились взаимодействие и конкуренция синонимичных форм, на основе которых и складывалась эта грамматическая категория. Одним из важнейших факторов формирования деепричастия стала предикативная синтаксическая функция отдельных форм старого причастия настоящего и прошедшего времени, связанная с закреплением у них значения действия (как основного, так и второстепенного), которое совершалось субъектом, выступавшим в предложении в качестве подлежащего. Этим обстоятельством и определялось обособление прежних причастных форм именительного падежа, имевших разные показатели в зависимости от рода и числа, т.е. в им. п. были возможны следующие образования: *живя, живучи(-е), живуще(-и), живъ, живъши(-е)*. Все приведенное многообразие форм действительно представлено в древнерусских памятниках в позициях, позволяющих интерпретировать их либо как синкретичные формы, либо как уже достаточно определившиеся деепричастия¹⁶.

Каждое из конкурирующих образований стремилось найти свою „нишу” в системе деепричастных форм. Закрепление одних было связано с развивающейся категорией вида: например, формы на *-а(-я), -учи(-ачи)* чаще были представлены в образованиях несовершенного вида, а формы на *-в, -вши* – совершенного (*зная, живя, смотря*, но: *узнав, прожив, посмотрев*). В истории этих форм наблюдалась и семантико-грамматическая дифференциация разноаффиксных образований, когда формы на *-в, -вши* передавали значение завершенности, результативности второстепенного действия, его предшествования основному, тогда как формы на *-а* обозначали второстепенное действие, одновременное с основным, сопутствующее ему. Такое состояние отмечено как для одноосновных, так и для разноосновных грамматических синонимов, ср.: *и паки, лето пльвише, в Тобольске зимовал (Житие Аввакума, с. 112), но: и тем лето питалися, пловучи* (там же, с. 108); *...не так допрашивать как семо написано, но смотря по делу и по случаю и на самое дело зря, а не наузуть, ибо, дела не видеv, не можно о всем в полностью написать* (Посошков, л. 65 об.); *А если которые спились, смотались или, быв, ничего полезного не научились, то можно о них так разуметь, чтоб дома будучи, столько ж плода принесли* (Татищев, с. 111); *Владимир, ходив на болгар и хорватов и с победами возвращаясь, услышал* (Ломоносов, с. 271), но: *Некогда Олав, ходя по городу, увидел грабителя и злодея своего Клеркона* (там же, с. 256); *Быти туняядцом не делав и не делая ни малейшия роду человеческого услуги* (Сума-роков, с. 127).

Иногда свою роль играли формально-грамматические особенности, в результате чего суффикс *-вши* стал оформлять деепричастия от возвратных

¹⁶ См.: Л.Р. А б д у л х а к о в а, *Развитие категории деепричастия в русском языке*, Казань 2007.

глаголов совершенного вида, ср.: *увидев – увидевшись, обратив – обратившись* и др.

Не останавливаясь на деталях истории становления категории деепричастия в русском языке, считаем необходимым еще раз отметить, что в ней значительное место занимают отношения синонимии и вариантности.

Таким образом, грамматическая синонимия и вариантность являются стимуляторами многих процессов, происходящих на разных уровнях языковой системы. Особенно наглядно их роль наблюдается при диахроническом рассмотрении явлений. Признание важности исторического подхода будет способствовать более точному и адекватному освещению картины, которая представлена на отдельных синхронных срезах истории языка. Однако эти явления порой оказываются незаслуженно обойденными вниманием исследователей.

Источники

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (и другие его сочинения), Москва 1934.

Лаврентьевская летопись, [в:] *Полное собрание русских летописей*, т. 1, Москва–Ленинград 1962.

М.В. Ломоносов, *Полное собрание сочинений*, т. VI, Москва–Ленинград 1952.

И.Т. Посошков, *Книга о скудости и богатстве* (и другие сочинения), Москва 1951.

А.П. Сумароков, *Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного действ. статского советника Александра Петровича Сумарокова*, т. 10, Москва 1800.

В.Н. Татищев, *Избранные произведения*, Ленинград 1979.

